

*Читайте романы
Марии Летовой*

Сопrotивляйся
Единственный

Мария Летова

Единственный

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л52

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*
Оформление серии *Дарьи Васильченко*
Иллюстрация на переплете *Mila Read*

Летова, Мария.

Л52 Единственный : роман / Мария Летова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-215272-6

Когда-то мы учились с ним в одной школе. Пока я плела косички своим куклам, Артур Палачев участвовал в вечеринках, о которых все шептались. Я слышала о нем много всякого — он вряд ли знал о моем существовании. Трудный подросток, потерявший родителей, бунтарь, постоянно нарушавший правила. Я не видела его много лет и, встретив снова, предпочла бы держаться от него подальше. Но так уж вышло, что только у этого парня я могу попросить о помощи.

Я не знаю, что Палачев потребует взамен за эту услугу. Он смотрит на меня так, что ничего хорошего ждать не приходится. Вот только выбора у меня все равно нет...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215272-6

© Летова М., текст, 2025
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА I

ЯНА

Бам.

Я реагирую на звук мгновенно — оборачиваюсь.

— Эй! — пугаю возмущенным криком случайного прохожего.

Развернувшись на ходу, несусь к тротуару, где тюнингованная «Ауди», выполняя боковую парковку, только что задним бампером снесла мою «Веспу».

— Эй, алё!

Бросив свирепый взгляд на тачку, поднимаю с земли свой скутер.

Дверь «Ауди» хлопает, пока в спешке проверяю наличие повреждений и царапин на своем мотороллере.

— Вам что, места мало?!

Вскидываю голову, когда на периферии зрения возникает силуэт.

Чтобы умолкнуть, мне достаточно одного взгляда на стоящего передо мной парня — высокого короткостриженного брюнета в выцветших джинсах, которые сидят на нем так, словно он в них родился.

Это мой клинический синдром — тормозить, когда его вижу, ведь с Артуром Палачевым мы учились в одной школе, хотя не думаю, что он в курсе.

5

•
•
•

Я не рассчитывала на то, что он меня узнает. Мы никогда и знакомы-то не были.

В спортивном клубе, перед которым мы стоим, я работаю больше месяца, и за это время Палач ни разу со мной не поздоровался.

Он тусуется в качалке клуба пять раз в неделю и видел меня за стойкой ресепшена по меньшей мере пятнадцать раз, но так ни разу и не сказал «привет». Он не сказал мне и двух слов, будто я мебель, подающая ему полотенце и ключ от шкафчика, но это и не удивительно, ведь я всегда прячу от него глаза, как застенчивая тринадцатилетка.

Вижу, как под линзами солнечных очков его взгляд задерживается на моем лице, после чего он смотрит на мой скутер и говорит:

— Извини. Я его не заметил.

Мне сложно в такое поверить, и, не удержавшись, я выпаливаю:

— Может, ты просто путаешь газ и тормоз?

Присев на корточки и сняв очки, он осматривает бампер своей машины.

— Нет, просто отвлекся. Все в норме? — Он поднимает ко мне лицо.

Резко выдвинув сложившуюся от удара подножку, отвечаю:

— Вроде бы.

Объективно говоря, назвать его красавчиком в школе можно было с большой натяжкой. Он был долговым. Его уши слегка торчали, ноги были длинными, а руки выглядели чересчур длинными. Он немного сутулился и казался каким-то нескладным, но при этом возглавлял школьную баскетбольную команду, а сейчас...

Я отвожу глаза от обтянутых спортивной футбольной плеч, мышцы на которых сутулиться не позволяют чисто физически. Его лицо стало мужским, и я смущаюсь, оттого что забываю моргать, когда в него смотрю.

Его глаза карие. Их взгляд скользит вверх по моему телу, когда он поворачивает голову.

На мне сланцы и свободный сарафан до колен, волосы после шлема распущены.

Он снова смотрит в мое лицо, и я отвожу глаза.

Я бы никогда не заговорила с ним первой, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

Он на три года старше, и в то время, пока я плела косички своим куклам, он участвовал в вечеринках, о которых потом шептались, а на пляже после них оставались горы использованных презервативов.

Назвать его популярным в школе — значит ничего не сказать.

Он был мегапопулярным. Крутым. К его соцсетям всегда стоял ограниченный доступ, и запросов в друзья у него было столько, что он ленился их просматривать.

Даже если бы я пыжилась изо всех сил его не замечать, информация о нем не прошла бы мимо меня.

Я не ожидала увидеть его за рулем этой аквамариновой «Ауди», — все время до этого он приезжал на черной «Тесле»!

Удовлетворившись состоянием своего бампера, он поднимается на ноги и выпрямляется в полный рост, говоря:

— Если будут проблемы, я заплачу за ремонт.

Закусив губу, поправляю висящий на плече рюкзак и вскидываю на Палача глаза, когда он вдруг добавляет:

7

⋮

— Запиши мой номер.

Удостоверившись, что мне не послышалось, пачусь в сторону.

Его голова поворачивается вслед за мной.

Чувствуя себя абсолютной идиоткой, я теряюсь и выпаливаю первое, что приходит в голову:

— Я знаю, где тебя искать.

Обойдя его машину, быстро перебегаю дорогу, не оглядываясь.

Сердце колотится, пока иду к дверям клуба, будто я побывала на аттракционе.

Войдя в здание, попадаю в отделанный мрамором холл, ведь этот клуб — часть гостиничного комплекса. Он находится на второй береговой линии, но из всех номеров вид на море. Спортзал и бассейн в распоряжении постояльцев бесплатно, для других желающих — по прайсу, и, честно говоря, ни в спортзале, ни в бассейне я ни одного постояльца никогда не видела, только местных...

— Ну где ты провалилась, Яна?! — шипит напарница, вылетая мне навстречу.

На часах восемь утра, и мы уже три минуты открыты.

— Привет...

Прячу свой шлем под стойку, туда же ставлю рюкзак.

— Подмени меня, — стонет Майя. — Я писать хочу...

Выскользнув из-за стойки, она быстро скрывается в коридоре, и мне тоже хочется застонать, ведь я на три минуты опоздала и на мне цветной сарафан, а не положенная униформа, и, если в таком виде меня увидит кто-то из вышестоящих, мне конец.

•
•
•

8

Схватив трубку звонящего телефона, взволнованно смотрю по сторонам в надежде, что меня пронесет и не придется закончить день с выговором или еще каким-нибудь взысканием. Это будет фатально, ведь я устроилась сюда работать только потому, что эта работа имеет карьерные перспективы.

Я учусь по специальности «Гостиничное дело». Когда живешь в курортном городе, выбирать профессию — все равно что гадать на ромашке.

— Спортивный клуб «Четыре сезона», — говорю в трубку, которую сжимаю влажной ладонью.

У меня спрашивают режим работы зала, и я произношу цифры на автомате, ведь все мое внимание сконцентрировано на том, чтобы не накосячить, пока пробиваю клубные карты Артура Палачева и приятеля, который к нему присоединился. Выдавая им ключи от шкафчиков и полотенца, поднимаю глаза и врезаюсь в направленный на меня взгляд Палача.

Мое сердце пропускает удар.

Несмотря на то, что теперь я отчетливо представляю, как пользоваться презервативами, внимание этого парня, даже мимолетное, меня пугает. Может, дело в том, что взгляд у него тяжелый, а может, в том, что я все еще девственница и воспринимаю парней угрозой на каком-то ментальном уровне, но я даже рада, что этот никогда со мной не здоровался.

Прежде чем отвернуться, я натягиваю на лицо дежурную улыбку и произношу:

— Хорошего дня.

Я желаю его и себе тоже, ведь у меня есть еще один день, очередной день, чтобы переварить тот факт, что другой парень, тот, в которого я так отчаянно влюблена, предпочел мне мою подругу.

ГЛАВА 2

ЯНА

Подруга напоминает о себе звонком на мобильный, в то время как я полностью погружена в обзвон потенциальных клиентов. За каждого нового клиента нам доплачивают, но мне посчастливилось откопать в этих древних списках только парочку желающих возобновить тренировки.

Положив трубку рабочего телефона, секунду смотрю на дисплей, где во весь экран растянулась фотография Божены.

Звонить по утрам для нее не в новинку. Она тоже работает. В отеле неподалеку, ее взяли стажером, повезло...

Моя подруга — блондинка. У нее лицо сердечком, и губы тоже. Нас никогда не принимали за сестер, мы слишком разные. Мои волосы каштанового оттенка, а глаза карие. И я выше Божены на голову, зато ее фигура — точеные песочные часы, а моя — без особых изгибов.

На экране подруга показывает язык; этой фотографии уже много лет, но она всегда мне нравилась, поэтому кочевала со мной с телефона на телефон, и этот снимок лишь подчеркивает возникший между нами барьер, ведь отвечать на ее звонки теперь колоссально тяжело.

Взяв смартфон со стола, указываю на него пальцем, изображая для напарницы, что мне нужно отойти. Она поднимает вверх большой палец и возвращается к раскладыванию чистых полотенец.

— Привет! — Голос Божены в трубке звучит жизнерадостно, но я всеми фибрами души чувствую, как это наигранно.

•
•
•

Теперь именно так мы и общаемся — наигранно. Будто боимся произнести лишнее или случайно свернуть не туда. В основном этого боится она. И меня слегка тошнит от ее дерьмовых актерских способностей.

Месяц назад на одной тусовке мы познакомились с парнем, в которого я влюбилась с первого взгляда. Именно меня он повез домой. Меня, а не ее. А потом поцеловал.

Это было незабываемо. И неповторимо. Это был поцелуй, который не сотрет из памяти ни один другой, потому что это было с ним.

Через два дня я слегла с гриппом, который брат притащил из школы, а когда неделю спустя все же выползла из постели, парень моей мечты уже встречался с моей лучшей подругой...

За все то время она и словом не обмолвилась о том, что происходит за моей спиной. А потом просила прощения. Плакала. Говорила, что любит его. И он ее тоже. Просила понять, и снова плакала, потому что очень боялась потерять меня, ведь меня она любит не меньше.

Они вместе уже больше месяца и выглядят идеально влюбленными.

Отойдя за угол, я прочищаю скопившуюся в горле горечь и отвечаю:

— Привет...

— Не отвлекаю? Хотела удостовериться, что ты придешь. Ты ведь придешь, да? — проговаривает она взволнованно.

— Я...

Теряю мысль, когда вижу, что в холле у стойки перед Майей появилась знакомая высокая фигура с растрепанными и влажными после душа волосами.

Палач закончил свою тренировку.

Он сменил футболку с черной на белую. Она короче предыдущей и открывает отличный вид на его спортивные бедра и задницу в линялых джинсах. Он кладет на стойку ключ, накрыв его широкой загорелой ладонью. И поворачивает голову, окидывая холл взглядом.

Не отдавая отчета своим действиям, я прячусь за угол и прижимаюсь к стене спиной.

Господи боже, я просто больная!

— Яна? — Я слышу в трубке свое имя.

— Я приду, да, — отвечаю я быстро.

— Супер... — выдыхает Божена. — Тогда до субботы. Ты... как у тебя дела? Все нормально? Хотела позвонить тебе вчера, но так замоталась...

— Все классно. Как у тебя? — отвечаю я в тон.

— У меня тоже...

— Ясно. Мне работать нужно...

— О... окей... не буду отвлекать. Ну пока. До субботы...

Она кладет трубку, и я просто счастлива закончить с ней разговор. Все это просто тень, жалкая ничтожная тень нашей дружбы, которая уже никогда не будет прежней.

Внутри меня словно копится какой-то яд. Вместо того чтобы очиститься от произошедшего, я только сильнее в нем тону.

Ведь я по-прежнему влюблена...

Безумно. До слез в подушку и тупой боли в груди!

В субботу у Божены день рождения. Между нашими днями рождения разница чуть больше недели, и почти все годы до этого мы отмечали их в один день, но не в этот раз. В этот раз свой я вообще ни-

•
•

как не праздновала, а моя подруга... решила закатить вечеринку в ночном клубе.

Слава богу, мне не придется думать над тем, что ей подарить. Вкладывать в это действие часть своей души мне не позволил бы тот самый барьер, так что меня спасает ситуация — подруга копит на брендовую сумку, и я подарю ей деньги.

Я выхожу с работы в девять вечера, проведя под кондиционерами весь адский жаркий день. Уже середина июня, днем температура подскакивает к тридцати. В это время таскаться по городу может прийти в голову только туристам, я же на улицах в разгар сезона днем уже несколько лет не появлялась.

На улице сумерки. Вечерний воздух свежий и теплый. Коже приятно, она даже покрывается мурашками, и я веду плечом, переходя дорогу.

Парковочное место рядом с моим скутером свободно. Я кошусь на пустое пространство, быстро надевая на голову шлем.

Он действительно предложил мне номер своего телефона? Палач...

В этом нет ничего необычного, он снес своей тачкой мой мотороллер!

Я завожу его резкими отрывистыми движениями.

Внутри меня шевелится какая-то непонятная паника. Это хоть и ненавязчивый, но все же дискомфорт, я даже не могу разобраться, где его источник. Просто весь день я какая-то дерганая. В голове мысли мечутся и обрываются, и руки будто дырявые...

Немного потолкавшись в вечной пробке по центру, я сворачиваю с проспекта и выезжаю на тихую улицу, по которой за двадцать минут добираюсь до

дома. Наш двор довольно тихий, но я все равно пристегиваю «Веспу» цепью к велопарковке и проверяю замок, подержав за него.

В квартире тихо и темно, только из комнаты брата на пол коридора падает полоска света.

— Никита! — зову я, убирая шлем в шкаф.

— Чего? — слышу недовольный голос брата из комнаты.

Моему брату четырнадцать. То, что он представляет из себя последние пару лет, — невыносимое хранилище подростковых гормонов. Он ведет себя отвратительно. Хамит, психует и творит всякие глупости.

У мамы смена, она работает в санатории в поселке неподалеку и вернется домой только завтра в обед. Я не сомневаюсь, что весь день мой брат провел за компьютером, но, когда он появляется в дверном проеме, понимаю, что это не совсем так.

— Какого хрена?! — спрашиваю я возмущенно, хватая его за острый подбородок.

Вокруг его глаза малиновый синяк, под носом засохшая кровь.

— Отстань!

Он бьет меня по руке и отдергивает голову.

Он уже выше меня, но очень худой. И он не драчливый. Он вообще не из тех, кто может за себя постоять, — он знает, что в любой драке преимущества не на его стороне. И я это знаю.

Меня наполняет паника, когда требую ответа:

— Что, опять?!

Развернувшись, он снова уходит в комнату и хлопает дверью прямо перед моим носом.

— Никита! — кричу я, ударяя по двери кулаком.

ГЛАВА 3

ЯНА

Чтобы выкурить его из комнаты, мне достаточно разогреть еду. Я ведь знаю, он ничего не ел, да и вижу тоже: все контейнеры не тронуты.

Несмотря на то что мировоззрение у моего брата абстрактное и расплывчатое, кое в чем он проявляет исключительные принципы. Например, положить себе в тарелку еды — для него настоящий отстой, потому что это не мужское дело. Эти принципы он впитал, как губка, от нашего отца. Родители в разводе последние пять лет. Никита с отцом общается только по праздникам, но отцовские убеждения в нем отлично проросли.

Он выходит из комнаты весь всклокоченный. Злой. Садится за стол, и я ставлю перед ним тарелку, шипя:

— Это они? Придурки из геймерского клуба?

Брат поджимает губы и цедит:

— Да.

Его бьют уже в третий раз. Мало того что это меня доводит до белого каления, так еще и пугает маму, а ей совсем ни к чему лишний раз тратить нервы.

— Ты же обещал, что не будешь больше туда ходить.

Злюсь, борясь с желанием самой отвесить ему подзатыльник.

— Да не ходил я! — взрывается Ник.

— Тогда что это? — Я указываю рукой на его лицо.

— Упал!

— Никита!

Он сопит, зажав в кулаке вилку. Молчит, будто специально терпение мое испытывает.

